

СТАРЫЙ ОСКОЛ. «А вы знаете? Хорошо!..»

Так назывался первый увиденный мной спектакль **Старооскольского молодежного театра** по стихам **Евгения Евтушенко**. Спектакль, после которого в книжных магазинах города были раскуплены все сборники поэта.

Сложившийся когда-то из части севастьяпольской труппы, бывшей в городе на гастролях, театр зажил, заиграл, заискрился, как бывает, когда совпадают все художественные составляющие. Жили непросто, но творчески интенсивно и интересно. И вот грянула реконструкция здания. Скажу честно, узнав об этом, я приуныла. Представила себе бесконечный долгострой, перепады финансирования, равнодушие и некомпетентность строителей, тяжелейшие условия для работы коллектива в этот период... Как следствие: «разброд и шатание» труппы, потеря репертуара и зрителя. Не припомню, чтобы когда-нибудь так фатально и великолепно ошибалась. Театр реконструирован (не реставрирован!) и торжественно

открыт! При поддержке прекрасного, умного, образованного губернатора, руками чутких и умелых строителей. Сохранен репертуар, сохранилась и окрепла труппа. Сохранен красивейший фасад. А внутри – не налюбоваться фойе, лестницами, тремя залами. Спросите, зачем три зала? Нет, не спросите, вы же театральные люди, наши читатели. Единственный театр в городе должен учитывать интересы всех возрастных и социальных категорий населения. Теперь одновременно могут идти спектакли для малышей, тинейджеров и взрослых. Залы небольшие, но... идеальные. Синий, каминный и главный. И волшебный свет, и прекрасный звук. Сразу видно, как внимательно реконструкторы прислушивались к рекомендациям театра (не всегда так, к сожалению, бывает). Не забыто и закулисное пространство. Более, чем не забыто. Комфортабельные и уютные гримерки, удобные, оснащенные цеха. А с каким тонким вкусом сделан музей **Бориса Равенских**, чье имя теперь носит театр.

Музей Бориса Равенских

Борис Годунов — П. Бежин

«Царь Федор Иоаннович». Сцена из спектакля

Время, память и тончайшее режиссерское чутье продиктовали выбор пьесы для открытия обновленного театра. Многие ли знают, что указом царя Федора Иоанновича была учреждена крепость Старый Оскол? Надо ли напоминать, что именно легендарным спектаклем Бориса Равенских «**Царь Федор Иоаннович**» много лет открывал свои сезоны Малый театр? А сегодня просто оторопь берет от поразительной современности текста пьесы, представленной на старооскольской сцене в Главном зале.

Семен Михайлович Лосев известен как бережный хранитель традиций нашего психологического театра и в то же время он — мастер «оживления» исторических персонажей. Мне никогда не забыть юного Пушкина из спектакля «Пушкин. Лицей». Как сожалела тогда, что неминуемо повзрослеет актер и уйдет от нас этот чудесный отрок Саша. Да, он повзрослел, но не ушел от нас. Нет того Саши Пушкина, но есть Борис Годунов (**Петр Бежин**) в новом спектакле. Мощный, мудрый, терпеливый. И так неспо-

рима его правота, что кажется — все акценты расставлены и осталось нам за него «болеть», чтобы все вышло так правильно по его разумению. Но, однако, совершенно невозможно не поддаться обаянию порывистого, искреннего, темпераментного Шуйского (**Андрей Костиков**). Как невозможно не полюбить всем сердцем доброго, нежного, беспомощного, но такого обаятельного Царя Федора (**Сергей Скоков**). Такой треугольник власти. Такие разные люди решают судьбу нашей страны. И никак им не договориться, никак миром ничего не решить.

Какая-то есть особая острая печаль в восприятии действия. Это — печаль нашего знания. Сродни той печали — ну и что, что масштаб негосударственный, — которую я всегда испытываю, когда смотрю «Чайку». Бедная-бедная Ирина Николаевна. Она еще не знает, что в финале Костя застрелится, что все — зря. Мы знаем. Но в этом знании не сила, а, наоборот, беспомощность. И удивительное, столь желанное в театре чувство сопричастности и еди-

Царь Федор — С. Скоков

нения. Мы смотрим на них из нашего «сегодня». Думаю, у многих зрителей возник вопрос: «Что я хотел бы им сказать, если б мог?». Волей режиссера, актеров, невероятно живой интонации, присущей этому театру, мы оказываемся с ними в одном художественном духовном пространстве. Где нет никакого «очуждения».

На сцене — молодая Россия, молодая наша многострадальная родина. Вечно нелюбимые вожжи, воспринимаемые народом как Мефистофель наоборот: как часть той силы, что вечно хочет блага и вечно совершает зло. Об этом скажет Годунов у Пушкина.

Визуально спектакль решен лаконично и ясно. Сцена не перегружена бытовыми декорациями. Используя новые технические возможности, художник (**Татьяна Сопина**) создает очень мощный эффект движения. Для декораций придуманы свои мизансцены. Архитектурные знаки Москвы тех времен то возникают, то исчезают в разных местах в виде небольших, но подробных, очень красивых макетов. Что дает дополнительно ощу-

щение и понимание огромной власти над огромной страной упомянутого треугольника. Вот явился Собор (небольшой, в половину человеческого роста), а вот и исчез, как не было. Так же уходят поверженные мятежники — не за кулисы, а опускаясь, бесшумно и неотвратимо, с лица земли под землю.

В самом начале на простые холщовые рубахи актеры демонстративно надевают стилизованные длинные кафтаны и воротники (художник по костюмам **Ольга Афанасьева**). И эта изящная условность очень верно работает. Можно ведь было для лучшей современности играть в современных костюмах, но я помню, как расстроилась, придя как-то на «Тристана и Изольду» и увидев на сцене современный офис. Такого грубого и примитивного хода и думать не могла встретить у Лосева. Просто и в самом деле ничему не учит нас история. Пишут, переписывают, а уроков не извлекают. Да и возможно ли это? Мы видим тех же самых, неиспорченных квартирным вопросом москвичей. Кажущаяся, но хит-

рая простота оформления и костюмов, как «дорога цветов» соединяет сцену и зал.

Кроме очевидной острой современности, спектакль явил высокий уровень актерского мастерства буквально всех исполнителей. Видна школа, в которой эти артисты явно были отличниками. Недаром при театре уже несколько лет успешно работает филиал актерского факультета Ярославского театрального вуза. Общеобразовательные предметы студенты во время сессии сдают в Ярославле, а профессиональные дисциплины изучают дома, в Осколе.

Спектакль мастерски выстроен: три часа пролетают на одном дыхании. Лосев — режиссер перфекционист. Каждая роль разработана «до донца». Такое становится возможным, когда у худрука и труппы достигнуто полное взаимопонимание. В этом случае они начинают смотреть не друг на друга, а в одну сторону. Говорят, что именно так определяется настоящая любовь. А от такой любви рождаются удивительные спектакли, после которых хочется думать и приходить в такой театр снова и снова.

Анастасия ЕФРЕМОВА

ТОЛЪЯТТИ. Баллада о борьбе

В финале спектакля «Как закалялась сталь» Тольяттинского театра «Колесо» им. Г.Б. Дроздова, чье название во многом непривычно для современной театральной афиши, на иссиня-темном фоне контражуром высвечиваются абрисы персонажей и звучит голос Владимира Высоцкого: «Если в жарком бою испытал, что почем, / Значит, нужные книги ты в детстве читал. / Если мяса с ножа ты не ел ни куска, / Если руки сложа, наблюдал свысока, / И в борьбу не вступил с подлецом, палачом, / Значит, в жизни ты был ни при чем, ни при чем». Звучит не моралью и уж никак не воспринимается нравственной проповедью, а скорее «собирает» в тугой узел смыслы поистине романного охвата. В режиссуре **Михаила Чумаченко** они образуют широкое поле исторического контекста вокруг автобиографии **Николая Островского** и его литературной исповеди, издававшейся сверхрекордными тиражами вплоть до середины 1980-х.

Кому адресован спектакль «про жизнь», если в детстве уже нескольких поколений одни «нужные книги» заменены другими, да и тем потенциальные читатели предпочитают меседжи, смс-сообщения и, увы, полуграматные комментарии в социальных сетях, — вопрос риторический. «Колесо» меньше всего озабочено реабили-

тацией «красного евангелия», но отнюдь не чурается романтики и идеализма, если за последний принимать в наши дни неработающую маршрутную квитанцию по поиску положительного героя. Театр вместе со своим зрителем (в Тольятти он действительно «свой», поскольку в некогда обещанный «город-сад» сторонние почти не едут, а свои, напротив, все чаще отсюда уезжают) — и тем, кто читал роман, и тем, кто предпочитает ему и еще целому ряду отличных книг несуществующей уже страны фейсбуки и инстаграмы, пыгается разобраться в постреволюционной эпохе, родившей особое племя «корчагиных». Разобраться не через учебники и ученые свидетельства, а через Человека, испытавшего большую боль и большую радость в лучшее время своей жизни. Потому что лучшим только и бывает время, в какое ты живешь.

Столетие революции — тут лишь формальный повод, а премьера, приуроченная к 7 ноября, — отнюдь не «датский» спектакль. Скорее попытка, и — талантливая, — свести эпохи минувшую и нынешнюю в единый фокус зрения, проявить нестертые перестройками и переменами истины. Не общественно-политические, хотя и они важны, а частные, людские. Не «судебные», но — судьбоносные. Взять *автобиографический*